

УДК 811.511.131'373

**ОТРАЖЕНИЕ ПРЕДМЕТНОГО КОДА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ
УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА**

© А. В. Егоров

Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра
Уральского отделения Российской академии наук
Россия, Удмуртская Республика, 426004 г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4.

Тел.: +7 (904) 245 53 77.

Email: egorov@udman.ru

Предметом анализа данной статьи являются фразеологические единицы удмуртского языка, имеющие в своем составе компоненты, обозначающие реалии предметного мира. Актуальность исследования определяется значимостью указанных лексических единиц для понимания особенностей менталитета представителей разных лингвокультур и улучшения процесса межкультурной коммуникации. Предлагается классификация фразеологических единиц согласно тематике входящих в их состав компонентов, которая позволила выделить такие элементы, как наименования предметов быта и обихода; термины, связанные с коневодством; наименования средств передвижения, емкостей, предметов мебели, одежды и обуви, пищевых продуктов, инструментов, построек и др. Особое внимание также уделяется описанию национально-культурной специфики удмуртских и русских фразеологизмов, отражающих предметный мир человека. Каждый язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, менталитет наций, их самобытность и мировоззрение. Национальный колорит фразеологических единиц удмуртского и русского языков выражается в специфике выбора предметных областей для переосмысления и дальнейшего проецирования на характер человека. Предметы быта, обихода, инструменты, а также различные приспособления представляют собой реальные знаки внешнего мира, имеющие особый семиотический статус и обладающие «первичным» символическим значением. Приведенные данные показывают, что характерными преимущественно для удмуртской лингвокультуры и фразеологии являются такие компоненты номинации бытовых удмуртских реалий, как гармонь, оглобля, телега, пестерь, лукошко, клубок, подлива и др. Констатируется, что специфичными для русской фразеологии являются компоненты, номинирующие деревянные изделия, населенные пункты, научные учреждения, средства обучения, книги, технические устройства и др. Исследуемый фразеологический материал дал возможность предположить, что фразеологизмы, характеризующие человека, возникают в языке как экспрессивные синонимы уже существующих обозначений, и, следовательно, служат не просто наименованием лица, а выражают определенное к нему отношение.

Ключевые слова: удмуртский язык; фразеология; предметный мир; национально-культурные особенности.

Введение

В современном мире не теряет своей актуальности необходимость привлечения внимания общества к вопросам культуры и сохранения культурно-исторического наследия. «Взаимный детерминизм языка и культуры отчетливее всего выявляется в пересечении языка и бытового уклада, языка и социальной структуры, языка и искусства; наличие языка – необходимое условие материального и духовного бытия во всех сферах социального пространства» [3, с. 145].

Универсальные ценности в национальных культурах представлены сквозь призму национальной культуры. «Дух нации материализуется в созданных ею архитектурных формах. Их основу составляет сложившийся на протяжении веков тип жилища, построек» [8, с. 168].

Язык неотделим от культуры, составляющей его содержательный аспект. При этом он отражает не только современное, но и прошлые состояния

культуры, передавая духовные ценности от одного поколения к другому. На языковую реализацию как лексики, так и фразеологии оказывает влияние совокупность национальных и общечеловеческих социокультурных факторов. Благодаря им языковые единицы наделяются богатым колоритом этнических и общенациональных смыслов.

Человечество создавало сущностные реалии в соответствии с их назначением. Внешние реалии «развивались в сферах жизнедеятельности человека и в его самосознании как знаки пространственной представленности способа существования объективного мира и как сущностный фактор пространства эмпирического опыта человечества» [7, с. 59]. В ходе исторического развития людьми создавалось натуралистически-предметное бытие: вещи для войн, охоты, труда, обустройства своей повседневной жизни, а также для духовного восхождения к потенциалу своей сущности [2, с. 49–97].

Реальность предметного мира имеет фундаментальное значение для развития и бытия человечества [6, с. 49]. Имея значительные различия в

видении назначения создаваемых ею предметов, каждая культура имела общее представление о предметах в их функциональном назначении и в их художественно-образном воплощении.

Фразеологи выделяют в компонентном составе языков ограниченное число лексических слоев, способных участвовать в образовании фразеологизмов. Наиболее продуктивными являются компоненты ФЕ, представляющие имена существительные, обозначающие конкретные предметы, личные, собирательные, абстрактные имена существительные, сомагизмы, зоонимы, флоризмы, имена собственные и др.

Предметом анализа данной статьи является описание особенностей фразеологических единиц удмуртского языка, имеющих в качестве фразеобразующего компонента наименования реалий предметного мира, т.е. непосредственно связанных с национальной культурой.

Как правило, ФЕ, характеризующие человека, возникают в языке как экспрессивные синонимы уже имеющихся обозначений, таким образом, служат не только наименованием лица, но и выражают при этом определенное к нему отношение [4, с. 295].

Компонентами ФЕ обычно выступают имена существительные конкретной семантики, обозначающие реалии, сопровождающие носителей языка на протяжении всей их жизни (см.: [12]). Существительные, обозначающие наименования предметов/реалий, становясь одним из компонентов ФЕ, проходят через качественные семантические преобразования, утрачивая при этом свое лексическое значение и актуализируя отдельные его семы, отражающие признаки и свойства неодушевленных предметов [9, с. 53].

Классификация удмуртских фразеологических единиц с компонентами-наименованиями реалий предметного мира

Проведенное исследование позволило классифицировать ФЕ удмуртского языка в зависимости от специфики тематики входящих в их состав компонентов. Среди них можно выделить как специфичные, так и универсальные группы для обоих сопоставляемых языков.

Анализ материала показал, что универсальными для удмуртского и русского языков являются следующие группы фразеологических единиц:

1. Удмуртские ФЕ с компонентами-существительными, обозначающими предметы быта и обихода:

а) термины, связанные с коневодством:

сюло ‘кнут’: *сюлоен сюдыны* (букв. кнутом накормить) [1, с. 105] – *накормить кнутом* [13, с. 223]; *накормить березовой кашей*; *сюлоен шуккем кадь* ‘словно кнутом ударенный’ [13, с. 239]; ‘будто подстегнули кнутом’ [1, с. 105] и др.

биньгозы ‘возжи’: *биньгозыез кие кырмыны* (букв. прибрать возжи к рукам) ‘взять дело в (свои)

руки’ [11, с. 14]; *биньгозыез сырк возыны* ‘возжи распустишь; трясги возжи’ [1, с. 21; 11, с. 14; 14, с. 70]; ‘возжи слабо держать’ [13, с. 212]; и др.

буко ‘дуга’: *буко кадь шонер* ‘прямой, как дуга’ [1, с. 21]; *одйг буюе куасаны* ‘гнуть в одну дугу’ [13, с. 219] и др.

геры ‘плуг’: *геры кутйз уни* ‘уже за плугом ходит’ (‘начал самостоятельный трудовой путь’) [1, с. 32] и др.

б) средства передвижения и их составные части:

уробо ‘телега’: *жукыртысь уробо* ‘скрипучая телега’ [13, с. 233] и др.

одды ‘сани’: *оддыезъя пукисез, валэзъя кузеез* (букв. по саням седок, по коню хозяин) ‘по Сеньке (и) шапка’ [1, с. 36; 14, с. 188]; *муртлэн оддыяз эн пуксы* ‘в чужие сани не садись’ [13, с. 77] и др.

пыж ‘лодка’: *бадзым пыж* (букв. большая лодка) (о неповоротливом человеке) [13, с. 229]; *пыжтэк сопал ярдуре поттоз* (букв. без лодки на тот берег переведет) [11, с. 100] и др.

в) наименования различных емкостей, используемых в хозяйстве:

мешок ‘мешок’: *дары мешок* (букв. мешок с порохом) [1, с. 35] – пороховая бочка; мешок с порохом; *жэг мешок* (букв. мешок с рожью) [1, с. 40] (о полном человеке) и др.

дуз ‘кадка’: *дузэзъя кудыез, пуртыезъя дурьез* – по кадке лукошко, по котлу (и) поварешка [13, с. 149; 14, с. 189]; *чечы дузэ сурьса, улыны оз вала* – не смогла жить, попав в кадку с медом [13, с. 209] и др.

пурты ‘котел’: *буш пуртыысь но жук омыръя* (букв. даже из пустого котла кашу черпает) [13, с. 195]; *шуд пуйы (пурты, пыры)* (букв. котомка (котел, крупица) счастья) [13, с. 242] и др.

бекче ‘бочка’: *одйг бекчеын уяны* ‘плавать в одной бочке’ [13, с. 203, 219]; *вина бекче* ‘винная бочка’ [13, с. 243; 14, с. 63] и др.

дурь ‘поварешка’: *пилиськем дурьез лякыны уг лу* (букв. расколовшуюся поварешку не склеить) [13, с. 159]; *кузеезъя – кудыез, дурьезъя – пуртыез* ‘по хозяину – лукошко, по котлу – поварешка’ [13, с. 154] и др.

ведра ‘ведро’: *ведра дурьин кадь кисьтыны* ‘лить как из ведра’ [1, с. 25; 13, с. 213; 14, с. 111]; *буш ведрае кобыен жугыны* (букв. стучать ковшом о пустое ведро) [13, с. 212] ‘пень колотить’ и др.

кобы ‘ковш’: *зарезез кобыен уд омыръя* – *Море ковшом не вычерпашь* [1, с. 38]; *зулым кобы* (букв. болтливый ковш) – *пустоболт* [1, с. 39; 13, с. 232] и др.

таба ‘сковорода’: *Зырдам таба вылын кадь пукыны* – сидеть как на раскаленной сковороде [1, с. 42; 11, с. 37] и др.

таркы ‘тарелка’: *одйг тусьтыысь (таркыысь) сиськыны* ‘есть из одной тарелки (миски)’ [13, с. 118] и др.

пуньы ‘ложка’: *кӧс пуньы ымеэ кесе* ‘сухая ложка рот дерет’ [13, с. 153; 14, с. 560]; *шыдэз пилськем пуньыен ум сишьке* ‘не лаптем (букв. не расколотой ложкой) щи хлебаем’ [13, с. 205] и др.

тусьты-пуньы ‘посуда’: *тусьты-пуньы но жингыртытэк уг улы* ‘и посуда без звона не лежит’ [13, с. 106] и др.

стакан ‘стакан’: *визен стакан пьдсысь уд шедьты* ‘не найдешь ума на дне стакана’ [1, с. 26] и др.

г) наименования предметов мебели:

валес ‘кровать’: *валес мертаны* ‘постель мерять’ [1, с. 24; 14, с. 102]; *юисьлы котькытын валес* ‘пьянице всюду постель’ [13, с. 192; 14, с. 813] и др.

д) наименования предметов, используемых в рукоделии:

бугор ‘клубок’: *зарни бугор(е)* (букв. золотой мой клубок) ‘золотце ты мое’ [1, с. 39; 14, с. 226] и др.

вень ‘игла’: *вень йылын кадь пукыны* ‘сидеть как на иголках’ [13, с. 213; 1, с. 26; 14, с. 113]; *вень кадь кылыз* ‘как иголка язык’ [13, с. 230] и др.

2. ФЕ с компонентами-существительными, обозначающими наименования предметов одежды и обуви:

дйськут ‘одежда’: *адямилэн визьмыз дйськут бордаз өвӧл* [5, с. 14] (букв. ум человека не на его одежде); *дйськут нуллытэк но вуэме* [5, с. 20] (букв. одежда и без носки изнашивается) и др.

буртчин ‘шелк’: *буртчин тугыны* (букв. шелк взбивать) (*о бесконечных хлопотах*) [1, с. 22; 11, с. 15]; и др.

дэрэм ‘рубашка; платье’: *азьтэмлэн дэрэмез но висе* ‘у ленивого и рубашка болеет’ [5, с. 14; 11, с. 8]; *бертум дэрэмдэ кылыны* ‘снимать последнюю рубашку’ [11, с. 14] и др.

кышет ‘платок’: *висисьтэм йыре кышет керттыны* (букв. на здоровую голову платок повязать) [1, с. 28] ‘перекладывать (сваливать) с больной головы на здоровую’ и др.

тулуп ‘тулуп’: *Герберлы тулуп* ‘что тулуп в Петров день’ [1, с. 31; 11, с. 26] и др.

кут ‘лапоть’: *дышетскытэк кут но уд кута* ‘без учения и лапти не сплетешь’ [1, с. 37] и др.

исъникут ‘обноски, ошметки’: *йӧлвылэн (вӧйын) исьникут но ческыт* (букв. со сметаной (маслом) и изношенный лапоть вкусный) [1, с. 46; 14, с. 256] – с маслом да со сметаной бабушкин лапоть съешь; с медом и лапоть съешь; и др.

3. ФЕ с компонентами-существительными, обозначающими наименования пищевых продуктов:

а) твердые пищевые продукты:

сылал ‘соль’: *ӗеч муртлэн сылалэз но ческыт* ‘у хорошего (доброго) человека и соль сладка’ [1, с. 40; 11, с. 35] и др.

кеньыр ‘крупа’: *йыраз кеньырез уг тырмы* (букв. в его голове крупы не хватает) ‘винтиков не хватает; не в порядке с головой’ [11, с. 44; 14, с. 293];

макня ‘мякина’: *йыраз макня* (букв. в его голове мякина) ‘в голове опилки’ [1, с. 44; 11, с. 39]; *макня йыр* (букв. мякинная голова) [14, с. 420] и др.

б) жидкие пищевые продукты:

аракы ‘самогон; вино; водка’: *аракы визь уг сеты* [5, с. 15] (букв. самогон ума не дает) и др.

вина ‘вино’: *визен вина уз тупалэ* ‘ум с вином не сойдутся’; *вина кылэз сэрттэ* ‘вино язык развязывает’ [1, с. 26–27]; и др.

4. ФЕ с компонентами-существительными, обозначающими наименования инструментов:

бугоу ‘оковы’; **эгоу** ‘напильник’: *бугоулы эгоу вань* (букв. для оков есть напильник) ‘для оковы есть подковы’ [11, с. 15; 14, с. 78] и др.

гозы ‘веревка’: *бызьыны вуэм нылэз гозыен уд возьы* (букв. девушку на выданье и веревкой не удержишь) [1, с. 22; 14, с. 92]; *гозы уронтэм өвӧл* (букв. и веревка разрывается) [11, с. 27]; ‘ничто не вечно’ и др.

тйр ‘топор’: *вуриськисьлэн венез уз лу, дурисьлэн – тйрез* (букв. у портного иглы не будет, у кузнеца – топора) ‘сапожник без сапог’ [1, с. 31] и др.

визнан ‘удочка’: *чорыг ачиз визнанэ лыктэ* ‘рыба сама на удочку идет’ [13, с. 41]; *аслад визнанад ачид ик сюрод* ‘на свою удочку сам же и угодишь’ [13, с. 41] и др.

пуж ‘сито’: *пужен ву нуллыны* ‘носить воду решетом’ [13, с. 221]; *пужын ву пӧзьтыны* ‘кипятить воду в решете’ [13, с. 221]; *вуэз пужын уд возьы* ‘воду в решете не удержишь’ [11, с. 25] и др.

капкан ‘капкан’: *ӗичы кескич ке но, капканэ сюре* ‘хоть лиса и хитра, но в капкан попадает’ [1, с. 41; 11, с. 36; 14, с. 279] и др.

майыг ‘кол’: *йылсамтэ майыг* (букв. недотесанный кол) [1, с. 43] ‘дубина стоеросовая’ и др.

эгес ‘обруч’: *вуж эгеслэн кутэсэз ляб* (букв. старый обруч слабо держится) [1, с. 30] ‘нет силы воли’ и др.

вуко кӧ ‘жернов’: *вуко кӧ кадь сизьдыны* (букв. будто жернов насекает) ‘ругать на чем свет стоит’ [1, с. 31] и др.

5. ФЕ с компонентами-существительными, обозначающими существительные, характеризующие часть предмета:

кисы ‘карман’: *зӧк кисыен эн эшласькы* ‘с толстосумом не дружи’ [1, с. 39] и др.

ӗеп ‘карман’: *ӗепед ке тырттэм, попед но пельтэм* ‘карман пустой, так и поп глухой’ [1, с. 40; 11, с. 35] и др.

ыжку ‘овчина’: *вылаз – ыжку, пушказ – кион* (букв. сверху – овчина, внутри – волк) ‘волк в овечьей шкуре’ [1, с. 31] и др.

пуйы ‘пакет; мешок’: *пуйы вылэ кельтыны* (букв. на мешок оставить) ‘оставить с сумой’ [11, с. 95; 14, с. 554] и др.

6. ФЕ с компонентами-существительными, обозначающими наименования построек, сооружений:

корка ‘дом’: *аслаз корказ шыр но кузе* ‘в своей избе и мышь хозяйка’ [5, с. 15; 11, с. 11] и др.

корказь ‘сени, крыльцо’: *адямилэн чылкыт улэмез корказьысен ик адэське* [5, с. 14] (букв. чистоплотность человека уже с крыльца видна) (образ крыльца ассоциируется с лицом дома, с лицом хозяйки);

азбар ‘двор’: *азбар пудоен чебер, корка – нылпиен* (букв. двор скотиной красив, дом – детьми);

гур ‘печь’: *гур – коркалэн сюлэмиз* [5, с. 19] (букв. печь – сердце дома); *адэонлэсь гур вылэ уд пегэы!* (букв. от судьбы на печи не спрячешься) [11, с. 7] ‘от судьбы не уйдешь’ и др.

7. ФЕ с компонентами-существительными, обозначающими наименования игрушек:

муне ‘кукла’: *эуч муне кадь* (букв. как русская кукла) [11, с. 37] ‘как (словно) кукла’ и др.

8. ФЕ с компонентами-существительными, обозначающими деньги, металл, драгоценный металл:

корт ‘металл’: *эырмам корт кадь пирсэжъяськыны* ‘как каленое железо шипеть’ [1, с. 42]; *эырмам корт вылын кадь пукыны* [1, с. 42] ‘сидеть как на раскаленном железе’ и др.

азвесь ‘серебро’: *азвесь зундэс чиямысь уз дугды* [5, с. 14] (букв. серебряное кольцо блестеть не перестанет) и др.

зарни ‘золото’: *зарни ки* ‘золотые руки; мастер на все руки’ [11, с. 34]; *зарни сюлэм* ‘золотое сердце’ [11, с. 34]; и др.

копейка ‘копейка’, **манет** ‘рубль’: *жалям манетэд сюэз кыскоз* ‘пожалеешь рубль, потеряешь сотню’ [1, с. 38; 11, с. 32] и др.

Предметы быта, обихода, инструменты, а также различные приспособления представляют собой реальные знаки внешнего мира, имеющий особый семиотический статус и обладающие «первичным» символическим значением.

Лингвокультурологический анализ позволяет создать представление об историко-культурном облике этноса, облегчить взаимопонимание культуры и менталитета в условиях многонационально-го государства.

Национально-культурные особенности семантики удмуртских фразеологических единиц

Национальный колорит фразеологических единиц удмуртского и русского языков выражается, в частности, в специфике выбора предметных областей для переосмысления и дальнейшего проецирования на характер человека. Специфичными для удмуртского языка являются группы фразеологических единиц с компонентами-существительными, номинирующими такие явления и реалии, как:

1. Музыкальные инструменты: **арган** ‘гармонь’: *арганчилэн аслаз арғанэз мед луоз* [5, с. 15] (букв. у гармониста должна быть своя гармонь); **крэзь** ‘гусли’:

киям – крэзе, сюлмам – кырғанэ ‘в руках моих – гусли, а в сердце – песня’ [13, с. 103] и др.

2. Отдельные предметы быта и обихода: **вайыж** ‘оглобля’: *вакчи вайыж* (букв. короткая оглобля) (*о вспльчивом человеке*) [1, с. 23]; *вайыжас йётэм* (букв. за его оглоблю задело) [1, с. 23] ‘задеть за живое’ [10, с. 517]; *вайыжедлэсь кыдеке уд кошкы* (букв. дальше своих оглоблей не отойдешь) [13, с. 64] ‘выше головы не перепрыгнешь’ и др.; **уробо** ‘телега’: *азе-беро уробо* (букв. с передком-задком телега) [13, с. 229] ‘семь пятниц на неделе’; **колеса** ‘колесо’: *дунне – колеса, сюлэм – пияла* ‘мир – колесо, сердце – хрусталь (стекло)’ [13, с. 12] (отсылка к образу из народной песни) и др.

3. Наименования различных емкостей: **котомка** ‘котомка’: *дышетскем котомка уг куры* (букв. для знаний котомки не надо) [1, с. 37]; и др.; **песътэр** ‘пестерь’: *визьэ нуллыны песътэр кулэ* (букв. его ум носить нужен пестерь) [1, с. 26] – семи пядей во лбу; *вог песътэр* (букв. упрямый пестерь) [1, с. 28]; **куды** ‘лукошко’: *кало куды сямен мыныны* (букв. как лукошко за ляжкой идти) [13, с. 215; 14, с. 342–343]; *амало куды* (букв. хитрое лукошко) [13, с. 229]; **тэркы** ‘тарелка’: *буш тэркысь вэй тэркые сюрныны* (букв. из пустой тарелки в тарелку с маслом попасть) – *не было ни гроша, да вдруг алтын* [1, с. 22] и др.

4. Предметы рукоделия: **бугор** ‘клубок’: *буртин бугор сюрем пересъеслы* (букв. шелковый клубок попал старику) (*о внуке*) [13, с. 111] (образ маленького ребенка передается через близкую обывателю реалию);

5. Наименования предметов одежды: **изы** ‘шапка’, **такъя** ‘такья’: *изы сюрем, такъя сюрор* (букв. шапка нашлась, такья найдется) [1, с. 43] (в значении: «жених есть, невеста найдется») и др.

6. Специфические пищевые продукты, не встречающиеся в русской кухне: *зырет* ‘подлива к лепешкам, блинам’: *нырысь табанез зыреттэк сие* ‘первый табань без зырета едят’ [13, с. 230] и др.

Национально-культурные особенности семантики русских фразеологических единиц

В русском языке специфичными являются группы ФЕ, имеющие в своем составе компоненты-существительные, номинирующие:

1. Деревянные изделия: *дубина стоеросовая* ‘тупой, бестолковый человек’ [15, с. 211], *бревно нетесаное* ‘неуч, невежа’ [15, с. 47], (*осиновая*) *чурка с глазами* ‘дурак’ [15, с. 752] и др.

2. Населенные пункты: *деревня стоеросовая* ‘глупый человек’ и др.

3. Научные учреждения: *ходячий университет* ‘человек, обладающий большими познаниями’ [15, с. 705] и др.

4. Средства обучения: *ходячая (живая) энциклопедия* ‘очень умный человек’ [15, с. 765]; *ходячий словарь* ‘высокообразованный человек’ и др.

5. Технические устройства: *генератор идей* ‘человек, выдвигающий новые мысли, идеи’ и др.

Выводы

Во фразеологии как удмуртского, так и русского языков имеется довольно богатый и экспрессивный пласт устойчивых выражений, имеющих в своем составе компонент, называющий реалии предметного мира. Классификация фразеологических единиц удмуртского языка согласно тематике входящих в их состав компонентов позволила выделить такие элементы, как наименования предметов быта и обихода; термины, связанные с коневодством; наименования средств передвижения и их составных частей, различных емкостей, предметов мебели, предметов, используемых в рукоделии, предметов одежды и обуви, пищевых продуктов, инструментов, построек, сооружений; наименования денег, металла и др.

Ассоциативное переосмысление денотативного содержания компонентов, называющих тот или иной предмет, как правило, зависит от их знаковой сущности, соответствующей этносимволической значимости и многоплановости семиотических функций.

Посредством специфичных фразеологических единиц проявляется национальный колорит удмуртской и русской культур, выражающийся в специфике выбора предметных областей для переосмысления и дальнейшего проецирования на характер и внешнее описание человека.

Характерными преимущественно для удмуртской лингвокультуры и фразеологии являются такие компоненты номинации реалий, как: *арган* ‘гармонь’, *вайыж* ‘оглобля’, *уробо* ‘телега’, *песь-тэр* ‘пестерь’, *куды* ‘лукошко’, *бугор* ‘клубок’, *такъя* ‘такъя’, *зырет* ‘подлива’ и др.

Специфичными для русской фразеологии являются компоненты, номинирующие деревянные изделия (*дубина*, *бревно*; и др.), населенные пункты (*деревня*), научные учреждения (*университет*)

средства обучения, книги (*энциклопедия*, *словарь*); технические устройства (*генератор*) и др.

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ «Предметные реалии удмуртской этнокультуры» (грант РФФИ №16-34-00026).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзюина К. Н. Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь. Ижевск: Удмуртия, 1967. 132 с.
2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 1873 // Полн. собр. соч.: в 30-ти тт. М., 1980. Т. 21. 551 с.
3. Замалетдинов Р. Р. Концептуализация материального мира и социокультурная среда // Вестник ТГГПУ. 2011. №23. С. 145–154.
4. Катермина В. В. Национально-культурная специфика образа человека (на материале русского и английского языков): дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2005. 338 с.
5. Мудрон кылъес: Пословицаос но поговоркаос / под ред. М. Н. Гаврилова. Ижевск: Удмурт книжной изд-во, 1960. 48 б.
6. Мухина В. С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). 2-е изд. М., 2010. 1090 с.
7. Мухина В. С. Человек в пространстве пересечения созданных им реалий // Мир психологии. 2012. №4. С. 58–68.
8. Нурмухаметова Р. С. Лексика материальной и духовной культуры татарского языка // Вестник ТГГПУ. 2011. №1. С. 165–169.
9. Ратушная Е. Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования. Курган: изд-во КГУ, 2000. 223 с.
10. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Ин-т рус. яз им. В. В. Виноградова РАН / под ред. А. Н. Баранова. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.
11. Средства образного выражения в удмуртском языке / сост., пер. К. Н. Дзюиной. Ижевск, 1996. 144 с.
12. Торопова О. В. Концептуализация фрагментов действительности во фразеологической номинации в аспекте семантических преобразований компонентов фразеологических единиц (на мат-ле ФЕ с компонентами конкретной семантики): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Челябинск, 2005. 178 с.
13. Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы и поговорки / сост. Т. Г. Первозчикова. Устинов: Удмуртия, 1987. 276 с.
14. Удмуртско-русский словарь: ок. 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ / отв. редактор Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.
15. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель; АСТ, 2008. 878 с.

Поступила в редакцию 06.11.2018 г.

REFLECTION OF THE OBJECT CODE IN THE PHRASEOLOGY OF THE UDMURT LANGUAGE

© A. V. Yegorov

*Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of RAS
4 Lomonosov Street, 426004 Izhevsk, Udmurt Republic, Russia.*

Phone: +7 (904) 245 53 77.

Email: egorov@udman.ru

The subject of this article is the phraseological vocabulary of the Udmurt language, namely, the units with the components denoting culture-specific concepts of the objective world. The topicality of the study is conditioned by the significance of phraseological units in the process of understanding the mindsets of representatives of various linguocultures and improvement of the process of intercultural communication. A classification of phraseological units was suggested according to their components that helped to determine such elements as objects of daily use, terms connected to horse breeding, names for various means of transportation, reservoirs, furniture, clothes, and footwear items, food, tools, buildings, etc. It was established that specific phraseological units manifest national character traits of Udmurtia and Russia due to selection of subject fields that are rethought and projected on the character of a person. Special emphasis was put on description of cultural and linguistic specifics of Udmurt and Russian phraseological units that reflect the objective world. Each language reflects a certain way of perception and the structure of the world, the mentality of nations, their identity and worldview. The national coloring of the phraseological units of the Udmurt and Russian languages is expressed in the specifics of the choice of subject areas for rethinking and further projection onto a person's character. Household items, goods, tools, and various devices are real signs of the external world, having a special semiotic status and having a "primary" symbolic value. These data show that characteristic components of the Udmurt linguistic culture and phraseology are mainly such components of the nomination of Udmurt household realities: accordion, shaft, cart, basket, clew, gravy etc. It is stated that characteristic components of the Russian phraseology are the components nominating wooden products, settlements, scientific institutions, teaching aids, books, technical devices, etc. The examined phraseological material made it possible to assume that the phraseological units that characterize a person appear in the language as expressive synonyms of already existing designations and, therefore, serve not just as the name of the person, but express a certain attitude towards it.

Keywords: Udmurt, phraseology, object world, national specifics, cultural features.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Dzyuina K. N. *Kratkii udmurt-sko-russkii frazeologicheskii slovar'* [Concise Udmurt-Russian phraseological dictionary]. Izhevsk: Udmurtiya, 1967.
2. Dostoevskii F. M. *Poln. sobr. soch.: v 30-ti tt.* Moscow, 1980. Vol. 21.
3. Zamaletdinov R. R. *Vestnik TGGPU.* 2011. No. 23. Pp. 145–154.
4. Katermina V. V. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika obraza cheloveka (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov): diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19.* Volgograd, 2005.
5. *Mudron kyl'es: Poslovitsaos no pogovorkaos.* Ed. M. N. Gavrilova. Izhevsk: Udmurt knizhnoi izd-vo, 1960.
6. Mukhina V. S. *Lichnost': Mify i Real'nost' (Al'ternativnyi vzglyad. Sistemnyi podkhod. Innovatsionnye aspekty)* [Personality: Myths and Reality (Alternative view. Systematic approach. Innovative aspects)]. 2 ed. Moscow, 2010.
7. Mukhina V. S. *Mir psikhologii.* 2012. No. 4. Pp. 58–68.
8. Nurmukhametova R. S. *Vestnik TGGPU.* 2011. No. 1. Pp. 165–169.
9. Dzatshnaya E. R. *Semanticheskaya struktura frazeologizmov v protsesse ee formirovaniya i funktsionirovaniya* [Semantic structure of phraseological units in the process of its formation and functioning]. Kurgan: izd-vo KGU, 2000.
10. *Slovar'-tezaurus sovremennoi russkoi idiomatiki* [Dictionary-thesaurus of modern Russian idioms] / In-t rus. yaz im. V. V. Vinogradova RAN. Ed. A. N. Baranova. Moscow: Mir entsiklopedii Avanta +, 2007.
11. *Sredstva obraznogo vyrazheniya v udmurt-skom yazyke* [Means of figurative expression in the Udmurt language]. Comp., per. K. N. Dzyuinoi. Izhevsk, 1996.

12. Toropova O. V. Kontseptualizatsiya fragmentov deistvitel'nosti vo frazeologicheskoi nominatsii v aspekte semanticheskikh preobrazovaniy komponentov frazeologicheskikh edinit (na mat-le FE s komponentami konkretnoi semantiki): diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Chelyabinsk, 2005.
13. Udmurt-skii fol'klor: Poslovitsy, aforizmy i pogovorki [Udmurt folklore: Proverbs, aphorisms and sayings]. Comp. T. G. Perevozchikova. Ustinov: Udmurtiya, 1987.
14. Udmurt-sko-russkii slovar': ok. 50 000 slov [Udmurt-Russian dictionary: about 50.000 words] / RAN. UrO. Udm. in-t IYaL / otv. redaktor L. E. Kirillova. Izhevsk, 2008.
15. Fedorov A. I. Frazеologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow: Astrel'; AST, 2008.

Received 06.11.2018.